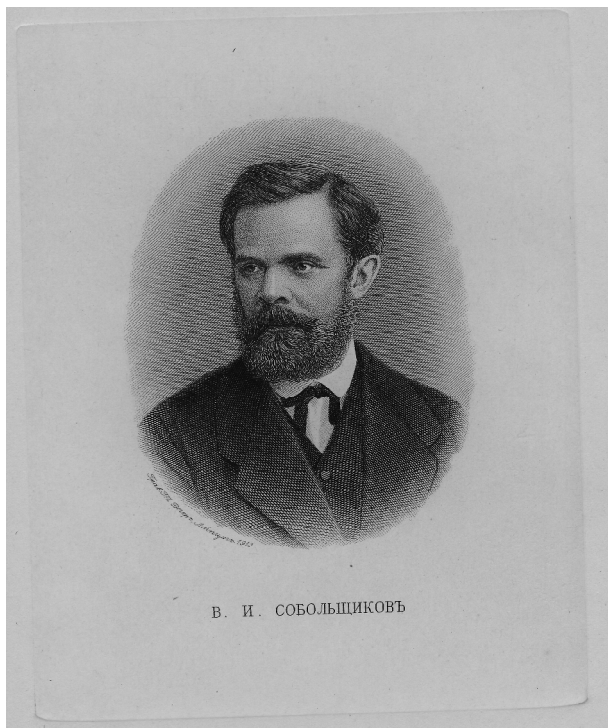

В. И. Собоьщиков

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Публикация О. Д. Голубевой

В. И. Собоьщиков

КОГДА ЖЕ РОДИЛСЯ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ СОБОЛЬЩИКОВ?

Долгое время не получал удовлетворительного решения вопрос о том, когда именно родился Василий Иванович Собоьщиков, выдающийся теоретик и практик отечественного библиотечного дела середины XIX века, проработавший в Императорской Публичной библиотеке тридцать восемь лет. В профессиональной и общей печати разными авторами назывались два года рождения Собоьщикова: 1808 г. и 1813 г.

Какая дата является истинной и в чем причина биографической неясности? Выяснить это позволяют архивные документы.

В ОАД РНБ хранятся несколько листов дневниковых записей Соболевцова, начатых 6 февраля 1841 года и законченных 27 июня 1842 года¹. Эти записи сделаны наспех, неразборчивым почерком, потому, к сожалению, частично не поддаются прочтению, — что, однако, не мешает понимать общий смысл документа. Ниже мы приводим обнаруженный нами текст Соболевцова, придерживаясь современных норм орфографии и пунктуации.

***

1841 [год]. Февраля 6-го. Зачем человек не может быть совершенно независимым от себе подобных, я разумею в нравственном или, лучше сказать, духовном отношении. Зачем слова и поступки людей имеют на нас влияние. В этом процессе характеры и мнения смешиваются и нередко порождают беды для человеков. Если бы мы, не внимая посторонним внушениям, могли думать и поступать по собственным своим убеждениям, мы, мне кажется, более были бы обезопасены от бед житейских. Впрочем, я так думаю, разбирая себя, но в других я вижу эту собственную силу в довольно высокой степени и, к удовольствию моему, вижу ее почти всегда в людях, более меня зрелых летами. Как бы я был счастлив, если бы и я дожил до этой прекрасной способности. Мне совестно самого себя за мои поступки. Если рассказать мои похождения с Тат.[ьяной] Петров.[ной], то во мне должно нарисовать самого пустого ветреного молодца. Однако ж в этих похождениях я укажу на две вещи, из которых каждая по-своему оправдает меня. *Во-первых*, рассказы всех знающих Т.[атьяну] П.[етровну] обещали в ней все те качества, которые должны быть в женщине совершенной, по моим понятиям. Не сознавая в себе злобы и коварства, чуждаясь света с его сплетнями и всеми вздорами, которые изобретены самыми мелкими страстишками, любя тишину и жизнь внутреннюю, мог ли я не льнуть к такой девице, какую я видел в Т.[атьяне] П.[етровне], слушая рассказы всех. Можно ли поставить мне в осуждение желание мое обладать тою девицею, которая соединяет в себе все потребное для моего счастья, которой подобной я не встречал еще в жизни. Странно, внешние внушения так сильно действовали на меня, что я, часто видя Т.[атьяну] П.[етровну] не такую, как бы мне хотелось, видя маленькое ее тщеславие, ветренность, даже пустоту, старался толковать все это в лучшую сторону и уверять себя, что все это выказывается только до первого объяснения моего с нею. Итак, не я один виноват в том, что несколько вздохов вылетело из груди моей по Т.[атьяне] П.[етровне], не я виноват, что несколько прелестных картин будущности сменилось в мечтах моих. Далее,

вторая вещь еще более оправдает меня. Несмотря на явное внимание ко мне Т.[атьяны] П.[етровны], на разные самые заманчивые ее проделки, я в интриге с нею не пошел далее взглядов и разговоров не совсем общих, однако ж довольно общих. Все же, как ни оправдывайся, а все-таки бывшее было.

Сестра А.[нна] Ив.[ановна], которая смотрела на все со стороны, конечно, видела более меня. Она, первая заступница Т.[атьяны] П.[етровны], первая начала раскрывать мне истину. Я был сильно очарован, и убеждение в истине медленно озаряло меня. Между тем, Анна Март.[ыновна] начала описывать дивные качества некоей Варвары Вис[с]арионовны. От природы настроенный к созданию идей, я занялся понемногу этим новым лицом, еще не виданным мною, и мало-помалу образовалась в голове моей такая идея, до которой Т.[атьяна] П.[етровна] далеко не доходила. Дела Т.[атьяны] П.[етровны] в чувствах моих шли уже кое-как; но когда в один осенний вечер у А.[нны] Ив.[ановны] была Распутина с своею глупою дочкой, и эта дочка передала двоюродной сестре моей Лизе желание Т.[атьяны] П.[етровны], чтобы я за нее сватался, тогда мнение мое о Т.[атьяне] П.[етровне] переменялось совершенно. Проживя на свете 28 лет², я уже начинаю чувствовать потребность иметь друга, то есть женщину, которая вполне понимала бы священное имя друга. Потребность эта рождает искания, и я душою прилепился к идее Варвары Вис.[сарионовны], вовсе не зная вещи. Анна Март.[ыновна] между прочим описывала мне удивительную ее наружность, и я начал воображать себе девицу оригинал для живописца: с живым умом, с быстрым пронизательным взглядом, грациозную, гибкую. До сего дня я знал только идею, сегодня я увидел самую Варвару Вис[с]арионовну в натуре. При первом взгляде головка ее мне показалась не только посредственна, но даже нехороша. Я как будто пал на развалинах идеи своей и барахтался в ее обломках. Мало-помалу мысли мои пришли в порядок, сердце мое несколько поулеглось, и я начал рассматривать. Не могу никакими словами описать хода моих наблюдений, хотя я был весь внимание. Помню только, что Вар.[вара] Вис.[сарионовна] чрезвычайно конфузилась беспорядком своей комнаты, которая, впрочем, не была в большом беспорядке. Выражение лица ее при этом было очень мило, скромно, но скромно не по условиям. Когда она рассказывала про свою институтскую жизнь и потом про жизнь настоящую, лицо ее принимало совершенно другое выражение: оно было до крайности привлекательно. Когда она говорила о месте для своей сестры, тогда заботливость рисовалась в лице ее самыми живыми выразительными красками. Словом, впечатление, которое оставила во мне первая встреча с Вар.[варой] Вис.[сарионовной], для меня так приятно, так отрадно, что, могу сказать утвердительно, ни одна женщина из всех виданных мною в жизни не оставляла во мне впечатления тако-

го рода. Может быть, прежде я был слишком молод и не способен был принимать подобных впечатлений. Внутреннее чувство было во мне немо или еще не развито. Обращаясь к началу моей заметки, я не могу не сказать, что к восприятию этого впечатления я был подготовлен Анной Мартынов.[ной] и даже Ан.[ной] Ив.[ановной], которая видела Вар.[вару] В[иссарионов]ну с неделю тому назад; все же я имею некоторое основание предполагать, что впечатление это не ложно. Я знаю историю жизни Вар.[вары] Вис.[сарионовны] и нашел в лице ее отражение всех фактов; с какою заботливостью она говорила о месте для сестры своей. Я знаю слово *любовная страсть*, но не знаком с вещью, которая называется этим именем. Бывали в жизни случаи, что при взгляде на красивую девушку во мне рождалось желание обладать ею, и в самом деле, к чему годна прекрасная девушка, как не для обладания ею, а для этого ли рожден человек? Что он будет делать там, где ему нужна будет супруга, не принадлежащая ему, а составляющая с ним вместе одно целое? Чем там покажется красивая девушка? Безгласным автоматом, вещь, которая участвует в жизни с мужем только тогда, когда он веселится, а в другие минуты... Душевное состояние человека бывает так различно в жизни. Иногда довольство доставляет мирное спокойствие, иногда опасные предприятия грозят неудачами, иногда неудачи дают испытания, иногда весьма чувствительные удары требуют силы и бодрости, чтоб выдержать их. Все эти сладости и горести встречают всех людей и делаются или вполнину сильны, когда мужчина имеет добрую жену, или делаются вдвое сильнее, когда он выбрал себе в подруги красивую и даже богатую и очень богатую девушку. Я убежден внутренне, что был бы очень счастлив, если бы эта крошечная Вар.[вара] Вис.[сарионовна] пошла со мною по пути жизни. Во всех важнейших случаях жизни я испытал на себе благое влияние промысла. Все, что лучшего случилось со мною в жизни, случилось неожиданно: я ничего не искал, ничего не просил у людей, а только желал, веровал и надеялся. В теперешнем положении моем, когда я имею верного дохода в год не более 1000 р[ублей], мне даже смешно было бы и думать жениться, несмотря на то, что я проживаю в год около 4000 [рублей], которые мне посылает провидение. Буду продолжать верить и надеяться.

7-е Февраля 1841 [года]. Мысль быть мужем Варвары основана чисто на одних надеждах. Если Анна М.[артыновна], эта сварливая, капризная Анна М.[артыновна], хвалит ее донельзя, то можно ли усомниться, что она не действительно прекрасная девица. По моему характеру, что может сделать меня счастливым в супружестве, как не любезный характер жены. Но буду ли я мужем Варвары? Мысль об этом не приводит меня в восторг, как все мысли

о каком-нибудь счастливом начинании. Мысль эта заставляет работать все умственные мои способности до утомления. Я теперь не могу даже порядочно изложить все внутренние мои ощущения. Первый вопрос, который должен родиться в голове при этом случае: чем мы будем жить? Чем же я живу теперь? Неужели 850 р.[ублями], которые мне дает Библиотека и из которых 600 получает А.[нна] Ив.[ановна]? Кто держит в деснице весь мир, всю вселенную, Тот удержит и меня. В Нем наша надежда. Голова моя трещит...

8-е Февраля 1841 [года]. Ужели наступила решительная эпоха моей жизни? Сегодня я весь день пробыл в твердом убеждении, что Варвара должна быть моею. Я видел ее сегодня у Анны Март[ыновны]. Как она была мила! Я, Ан.[на] Ив.[ановна] и Коля, мы были с нею свободны и единодушны как родные. Мне больше всего в пользу ее говорит то, что в физиономии ее нет ничего поражающего, нет признаков бури, а где нет бури, там благодатная тишина, там счастье. Рассматривая ее, я никак не могу представить себе ее танцующую, веселую, паркетную, кажется, она создана для того, чтобы быть доброю женою. Странно, что при всей важности моего намерения, воображение мое не рисует мне таких подробных, окончательных картин нашей будущей с нею жизни, какие носились передо мною, когда я думал о Тат.[ьяне] Пет[ровне]. Варвара, Варвара, согласишься ли ты соединить свою судьбу с моею? Провидение не объявит нам того, что нам назначено, но оно хранит нас и ведет к лучшему. Боже правый, вразуми меня!

5 Февраля 1842 года. Завтра совершится год, что я увидел в первый раз Варвару. В течение этого года сквозь какое горнило прошла душа моя. То я тосковал о ней и старался устроить дела свои так, чтоб на ней жениться, то решительная невозможность достигнуть этой цели останавливала меня до того, что я старался не думать о Варв.[аре] и действительно не думал, то мне казалось, что, зрелая и бесприютная, она ищет только пристроить себя, но эта последняя мысль менее всех жила в голове моей: я очень и очень убедился в противном. Наконец, с некоторого времени я, выдаясь довольно часто с В.[арварой], до того привязался к ней, что мне, право, кажется, чуть ли я не влюблен. Однако ж нет, это[го] не может быть, и вот почему именно: мне кажется, если б она завтра же вышла замуж за другого, я бы не тосковал, а пожелал ей от души быть счастливою, а между тем я испытываю столько приятных ощущений от мысли о ней, и до того приятных, что я даже забываюсь от них. Я ясно вижу, что она любит меня. Ее взор, ее голос, движения, решительно всё убеждает меня в этом. Это чудесная [нрзб — женщина?], только я вот что желал бы доподлинно узнать, какую любовью она

любит. Боже сохрани, если простою, обыкновенною страстишкою, которой так подвластны девушки. Если я в этом уверюсь, мне очень будет тяжело разочароваться, только мне кажется, что она не способна заниматься такою мелочью, — но ведь она женщина... А вот еще что: я люблю ее до того, что написал уже письмо к ней, в котором изобразил мои чувства к ней, стараясь, однако ж, как можно, не показаться сценическим любовником. Я старался вооружиться всею наличною суммою моего рассудка, написал одно письмо, другое, третье и ни одного не послал, спросите, почему? Не знаю. Я люблю Варвару всею силою души, какая только у меня есть, и между тем, чтобы добиться того, что должно быть, то есть брака, у меня недостает духа, это мне кажется невозможным. Не знаю, что выйдет из моей странной философии — я страшный фаталист. Мне кажется, я уверен, точно уверен, несомненно, что мое будущее написано, определено, мне (вот глупо) кажется, что со мною совершится необыкновенная перемена, что я, как феникс, возродюсь из пепла, что В.[арвара] будет моя, и между тем разум мой до того может расступиться, что из-за массива этих надежд я вижу свет совершенно иной, истинный, и вот какой именно: молодые люди живут жизнью, полною надежд самых блистательных, и между тем многие из них остаются пластом на дне. *Мне пошел 30 год*³. Я чувствую, что моя связь с В.[арварой] сильно развивает мою душу. Я стал гораздо лучше под ее благотворным влиянием. Не знаю, что из этого выйдет, но чувствую, что привязанность моя к В.[арваре] пускает сильные корни во всё мое существо — уж пусть бы эти корни совсем меня опутали, пусть бы был один конец, а то, право, это скучно.

13 Марта 1842 [года]. Я хочу написать Варваре письмо. Переписка между молодыми людьми, говоря вообще, есть дело весьма предосудительное, а особенно переписка о том, что они тайно питают друг к другу. Но как быть? Я полагаю, мне кажется, что человек, не упражняющийся в сочинении, в изображении словами образов, гнездящихся в его голове, человек этот не может написать того, чего он не чувствует, и написать так, чтобы можно было обмануться. Если человек этот станет писать, так сказать, по расчету, он будет писать, и если он умен, то будет писать хорошо, но все-таки в словах его будет проскакивать истина, как в рисунке неопытной руки проскакивают или даже [нрзб — дерут?] неверности с натурою тех предметов, которые она рисует наизусть. Итак, я хочу написать к Варваре, хочу толкнуться в ее сердце, пусть она откроет мне его, и я взгляну. Если в нем есть то, чего я жажду, если в нем есть хоть зародыш сознания моих достоинств, желание отдаться мне, желание чистое, благородное, — я дам ей слово не разлучиться с нею

навсегда и буду ждать срока, определенного судьбою для нашего соединения, если нет, то, о, тяжелое разочарование! Это покажет мне, что Варвара или идея Варвары есть призрак, обманувший меня. Быть по сему, напишу к ней, непременно напишу.

23 Марта 1842 [года]. Хотя в мои лета и при отношениях, подобных тем, какие существуют между мною и Варварой, ослепление есть вещь весьма естественная; но благодаря Богу я чувствую, что разум в голове моей если не светит вполне, то, по крайности, брезжит и дает, хотя с трудом, различать предметы. Я получил от Варвары ответ и ясно вижу в нем, что девушка была в сильной пытке, когда писала. Я хочу верить, я не могу не верить, что она писала в сильном волнении, что она, когда писала, была в том состоянии, в каком состоянии бывает наш брат новичок, вошедший в комнату, наполненную людьми, вовсе нам неизвестными, у которых все внимание обращено на нас. В этом положении человек так растеряется, что кажется не в своем уме и, часто с правами на имя неглупого человека, говорит такие глупости и так невпопад, что становится даже жалок. Мне кажется, я верю, что Варвара, пиша ко мне письмо, была именно в таком состоянии. В ее письме ужасно мало смысла. Но ведь я сказал прежде, почему нет смысла. Она ничего не пишет положительного о любви. Это мне ужасно нравится. Из вежливости и даже по чувству глубокого уважения к ней я тоже в моем письме не дозволил себе выражений, употребительных в подобных случаях. Я радуюсь, я восхищаюсь, что она поняла меня в этом отношении. Она поняла, что я ищу в ней не восторженной любви, но того чувства, которым женщина [нрзб — зиждет?] на земле счастье мужчины. В ее письме видна скромность, стыдливость чистой непорочной девушки, но это скучное отсутствие смысла, этот туман, я сквозь [н]его ничего не вижу. Надо раздвинуть, разогнать его. Это не испортит дела, не очернит Варвары, но по крайней мере лучше нас ознакомит. Напишу еще к Варваре.

3-е Апреля 1842 [года]⁴. Мне трудно писать. У меня нет сил описать этой тошноты, которой я страдаю. Я как будто шел по дороге, видел перед собою человека, который по турнюру* был милый, близкий мне человек. Я догнал его, взглянул на то место, откуда глядит душа, — я взглянул на лицо и увидел, что этот человек есть не что иное, как один из тех, которых я встречал на пути жизни целыми дюжинами. Ужели призма рассказов А.[нны] М.[артыновны] так сильно и так продолжительно обманывала меня, обыкновен-

* Образовано от французского *tournaire* — здесь в значении: внешность, манеры.

ному, чужому (конечно для меня, а не для другого) человеку давала турниор, так обманчиво схожий с тем, которого я искал всею силою моих желаний, на которого я смотрел во весь зрачок моей души. Скажи, Варвара, разве я много от тебя требовал, разве ты подсмотрела в моих письмах хоть тень оскорбительных для твоей непорочности желаний? Не сказал ли я тебе сам в последнем моем письме. Ах, как же ты худо поняла меня. Ужели ты стыдишься высказать благородные святые чувства? Я ведь не требовал от тебя ничего, кроме тайны. Кажется, это жертва небольшая. Я не приходил в восторг в письмах моих, писал к тебе как брат, наставлял тебя, указывал тебе благородное, доброе, как будущий твой муж, а ты не обратила ни на что на это внимания. Ты только добиваешься узнать, покуда я намерен хранить тайну. Ты хочешь коммерческой сделки, свадьбы и как можно поскорее. Остановись. Остерегись такого человека как я. Я тебе счастья не составлю. Я не хулю твоих желаний выйти поскорее замуж, вырваться на свободу. Это желание весьма и весьма благоразумно, но оно черство для меня. Оно теперь, уже помеченное листком чертополоха, лежит у меня в самом гнезде моих душевных ощущений. Мне очень скверно. Нет, Варвара, забудь меня, я тебе не гожусь, я тебе надоем. Ты прекрасная девица с большими и даже не очень обыкновенными в наш век и в вашей касте достоинствами, ты можешь быть превосходною женою, но только не мне. Есть много людей, которым ты можешь составить счастье. Они не глупей, не хуже меня, даже, если хочешь, лучше *en fait de mariage ou mieux de ménage*^{*}, но я нет, я чудак, я мечтатель. Боже, ужели я не найду на свете женщины, которая душою своею будет продолжением моей души, которая, если я приставлю ее к той стороне моих чувств, где я именно чувствую свое одиночество... Я так расстроен, что даже писать не могу.

11 Апреля 1842 [года]. Я отослал к В.[арваре] ее письма и просил прислать мне мои. Она исполнила мою просьбу и написала при том письмо. Я верю, от души верю, что ей неприятно обмануться в своих ожиданиях; но я уверен, что мне было в тысячу раз более неприятно найти в ней не то, чего я ожидал. Я не единственный молодой человек на свете. Варвара Вис.[сарионовна], может быть, выйдет замуж и будет более счастлива, нежели была бы со мною. Может быть, провидению будет угодно, и я [стану счастлив] когда-нибудь, — но мне что-то плохо верится — я такой урод по душе, так нехорош лицом.

---

* Для замужества или скорее для семейной жизни (*фр.*).

18 Мая 1842 [года]. Очевидно, что Вар[вара] Вис[сарионовна] употребляет последние средства, какие позволяют ей употребить приличия и память бывшей между нами кратковременной переписки. Она письменно благодарит меня за книги, которые я давал ей читать. Жаль мне ее, но она была бы более достойна сожаления, если бы была женою моею. Зачем она пишет ко мне? Ведь поблагодарить за книги можно было бы и при свидании, на словах или даже через А.[нну] М.[артыновну], — нет, дай напишу. Это, право, скучно. Я готов жениться на ней из одного сострадания, если б не был уверен, что это для нее будет хуже.

27-е Июня 1842 [года]. Ан.[на] Март[тыновна]* на лето переехала в дом Ив.[ана] Макс[имовича Горностаева]. Этот переезд заставил меня чаще бывать у Таврического сада. Бывая там, я стал часто видеть старшую дочь Ив.[ана] Мак[симовича] Наталию⁵.

***

Обычно в дневниках человек раскрывает самое сокровенное. Поэтому принято доверять зафиксированным в дневниках сведениям.

В приведенном в настоящей публикации тексте В. И. Соболевиков дважды указал свой год рождения. В 1841 году он написал: «проживя на свете 28 лет», в 1842 году: «мне пошел 30 год». Следовательно, по его словам, родился он в 1813 году.

Эту же дату назвал Соболевиков и в статье «Воспоминания старого библиотекаря», впервые опубликованной в 1867 году в раритетном издании «Барону Модесту Андреевичу Корфу в день 50-летия его службы 9 июня 1867 года»⁶. Здесь он заметил, между прочим: «в эпоху вступления моего в библиотеку я только начал переживать свой 21 год!» Поскольку на службу в Императорскую Публичную библиотеку Соболевиков поступил в 1834 году, легко подсчитать, что родился он, значит, в 1813 году.

Именно эту дату и указал В. В. Стасов в своем некрологе о Соболевикове, опубликованном в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁷. По утверждению самого Стасова, данный некролог был перепечатан не только «в разных русских газетах», но и «даже в немецких и английских»⁸. С тех пор эта дата укрепилась в литературе: она указывалась во всех энциклопедических словарях, во многих научных статьях и книгах, даже в фундаментальном очерке истории РНБ⁹. Более того, эта дата высечена на могильной плите Соболевикова, похороненного на петербургском Шуваловском кладбище¹⁰.

---

* В оригинале описка: «Ан.[на] Макс.[имовна]».

Современник Соболевского, его помощник в 60-е годы по Отделению изящных искусств и технологии П. Н. Петров первый выразил сомнение в правильности указанного в газетных некрологах года рождения коллеги. Он написал: «Если правда, что родился покойный в Витебске 13 января¹¹, то трудно допустить, чтобы год рождения его был 1813; потому что в 1825 г.[оду] мы находим его уже на службе в местном губернском правлении. Для дворян, конечно, в то время, делались в нужных случаях снисхождения, так что дети их принимались на службу и не достигнув положенного 17-летнего возраста; но для людей податного сословия подобной льготы не существовало»¹². Петров добавил к этому, что отец Соболевского был купец-старобрядец, а потому не имел многих государственных привилегий. Он не мог быть награжден медалью, не мог быть избранным ни на одну общественную должность, и так далее.

Если признать справедливым это наблюдение — а его трудно оспорить, — то когда Соболевский поступил копиистом в Витебское губернское правление, ему должно было быть не менее семнадцати лет, а значит — родился он не позднее 1808 года.

Однако сомнения Петрова прошли незамеченными. Правда, впоследствии Стасов постарался себя «обезопасить»: перепечатавая в 1889 году в «Историческом вестнике» статью Соболевского «Воспоминания старого библиотекаря», он подчеркнул в своем предисловии к ней, что все биографические сведения заимствованы им «из рукописного отрывка автобиографии, начатой Соболевским в 50-х годах и оставшейся недоконченной»¹³. К сожалению, эту рукописную автобиографию нам не удалось обнаружить.

Только в 1914 году в печати появился другой год рождения Соболевского — 1808-й. Эта дата была названа в юбилейном сборнике «Императорская Публичная библиотека за сто лет»¹⁴. Известно, что книга создавалась с широким привлечением архивного материала. Вот почему можно было предположить, что интересующие нас сведения могут содержаться в фондах ОАД РНБ.

Метрическое свидетельство Соболевского не сохранилось. В 1871 году на запрос администрации Императорской Публичной библиотеки (в связи с пенсионными делами по выслуге лет) Витебское губернское правление ответило, что метрика Соболевского в делах не обнаружена, «но в 1830 г.[оду] ему было 21 год»¹⁵. Из этого следует, что родился он в 1809 году. Этот же год исчисляется и из аттестата Соболевского, полученного из Римско-Католической коллегии, где он служил до поступления в Императорскую Публичную библиотеку. Аттестат подписан 27 февраля 1834 года, и в нем сказано, что Соболевскому «от роду 25 год»¹⁶.

В различных послужных списках Соболевского за разные годы, в которых обычно не указывалась дата рождения, а приводилось лишь полное количество лет, иногда наблюдались колебания от 1807 по 1810 годы, но чаще всего исчислялся 1808 год. В рукописных отчетах библиотеки (с 1834 по 1845 годы включительно), где в «именных списках чиновников» указывался год рождения, под фамилией Соболевского всегда стоял 1808 год¹⁷. По нашему мнению, это и дало основание составителям книги «Императорская Публичная библиотека за сто лет» указать 1808 год в качестве года рождения Соболевского. Мы также присоединяемся к этому мнению и в своих последних работах указываем эту дату¹⁸. Нас убеждают в правильности этого не только архивные документы, но и мнение П. Н. Петрова, приведенное выше. Мы не можем согласиться с 1813 годом, объявленным самим Соболевским годом своего рождения, еще по одной причине: младший его брат, Петр Иванович, не мог родиться раньше старшего брата. Между тем, в справочнике, посвященном окончившим медицинский факультет Дерптского (ныне Тартуского) университета, где учился П. И. Соболевский, годом его рождения указан 1811 год¹⁹.

Таким образом, очевиден факт, что В. И. Соболевский сам сократил свой возраст — на пять лет.

Как оценить свидетельства Соболевского о его возрасте, содержащиеся в публикуемых здесь записях? Выскажем предположение, что в действительности обнаруженные нами тексты были написаны несколько позже указанных в них дат, — так сказать, «задним числом». Не может не насторожить странная описка, когда между датами 21 марта 1842 года и 11 апреля 1842 года вдруг появилась запись от 3 апреля 1843 года. Не исключено, что эта ошибка возникла из-за спешки.

Дважды упоминая о своем годе рождения, Соболевский был уверен, что вряд ли кто усомнится в правдивости написанного как бы мимоходом в дневнике.

Какова была причина мистификации? Мы знаем, что в начале 1840-х годов Соболевский серьезно задумывался о женитьбе. Оценивая качества разных женщин, он остановил свой выбор на молоденькой Наталии Горностаевой. Как сказал впоследствии сам Соболевский, только в ней он «угадал свою жену»²⁰. Когда он познакомился с нею в 1842 году, Наташе было всего двенадцать лет, а нашему герою — уже тридцать четыре года. По-видимому, боясь, что такая разница в возрасте может стать преградой для бракосочетания, Соболевский объявил невесте и ее родным свой «новый» год рождения, впоследствии зафиксировав это и на бумаге.

Поженились они в 1844 году, когда Наталии было только четырнадцать лет, мужу — фактически тридцать шесть, а по его заявлению тридцать один. Опасения Собольщикова оказались напрасными: разница супругов в годах не повлияла на их счастливую совместную жизнь.

Примечания

- ¹ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1-а, 1841, д. 6. Л. 1 — 5.
- ² Курсив мой (*Примечание Голубевой*).
- ³ Курсив мой (*Примечание Голубевой*).
- ⁴ В оригинале описка: «1843 [года]».
- ⁵ На этом дневниковые записи обрываются.
- ⁶ Книга была напечатана в двух экземплярах: один хранился в ИПБ, другой — у барона М. А. Корфа.
- ⁷ Санкт-Петербургские ведомости (СПб.). 1872, 21 окт.
- ⁸ *Стасов В. В.* Письма к родным. М., 1954 — 1962. Т. 1, ч. 2. С. 93.
- ⁹ История Государственной Ордена Трудового Красного знамени Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 39.
- ¹⁰ Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 121.
- ¹¹ В этот день родные и знакомые Собольщикова обычно отмечали его рождение. (*Примечание Голубевой*)
- ¹² *Петров П. [Н.]*. Биография В. И. Собольщикова // Зодчий (СПб.). 1872, дек. № 12. С. 206.
- ¹³ *Стасов В. [В.]*. [Вступ. статья] // Исторический вестник (СПб.). Т. 38. 1889, окт. С. 72.
- ¹⁴ Императорская Публичная библиотека за сто лет... С. 151.
- ¹⁵ ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1852, д. 26. Л. 158.
- ¹⁶ Там же, 1834, д. 21. Л. 2.
- ¹⁷ Там же, 1835, д. 6. Л. 10 об.; Там же, 1836, д. 9. Л. 6 об.; Там же, 1837, д. 6. Л. 11 об.; Там же, 1838, д. 8. Л. 10 об.; Там же, 1839, д. 8. Л. 9 об.; Там же, 1840, д. 5. Л. 8 об.; Там же, 1841, д. 10. Л. 9 об.; Там же, 1842, д. 12. Л. 2 об.; Там же, 1843, д. 7. Л. 9 об.; Там же, 1844, д. 17. Л. 11 об.; Там же, 1845, д. 13. Л. 10 об.; Там же, 1846, д. 15. Л. 8 об. (в отчетах за 1846 — 1849 годы указан 1802 год, но это явная ошибка писца, который машинально повторил дату идущего раньше по списку А. И. Перекомского); Там же, 1847, д. 10. Л. 11 об.; Там же, 1848, д. 4. Л. 9 об.; Там же, 1849, д. 9. Л. 8; Там же, 1850, д. 10. Л. 72.
- ¹⁸ *Голубева О. Д.* Собольщиков Василий Иванович // Указ. источник. С. 471; *Голубева О. Д.* В. И. Собольщиков. С. 5 — 12; и др.
- ¹⁹ Album Academicum der Kaiserlichen Universitet Dorpat. Dorpat, 1889. S. 181. См. также: *Змеев Л. Ф.* Русские врачи писатели. СПб., 1886. Вып. 1. С. 109.
- ²⁰ *Собольщиков В. [И.]*. Воспоминания старого библиотекаря / [Вступ. статья и публ. В. В. Стасова] // Исторический вестник (СПб.). Т. 38. 1889, окт. С. 79.